

возможности дѣйствительнаго огражденія себя установленіемъ и распространеніемъ христіанскаго общественнаго мнѣнія на существующее устройство жизни. Только при упраздненіи насилія христіанское общественное мнѣніе перестанетъ извращаться, получить возможность безпріятелиаго распространенія и люди не будутъ направлять свои силы на то, что не нужно имъ, а направлять ихъ на ту одну духовную силу, которая движетъ ими.

«Но какъ отбросить очевидное, осязаемое огражденіе городского съ пистолетомъ и положиться на нѣчто невидимое, неосязаемое — общественное мнѣніе? Существуетъ ли еще оно или нѣтъ? Главное же, тотъ порядокъ вещей, въ которомъ мы живемъ, мы знаемъ. Хорошо-ли, дуренъ-ли онъ, мы знаемъ его недостатки и привыкли къ нему, знаемъ, какъ вести себя, что дѣлать въ теперешнихъ условіяхъ; но что будетъ тогда, когда мы откажемся отъ него и положимся на что-то невидимое, неосязаемое и вполнѣ неизвѣстное?» И людямъ представляется страшною та неизвѣстность, въ которую они вступаютъ, отказавшись отъ знакомыхъ порядковъ жизни.

Но, вѣдь, хорошо бояться неизвѣстности, когда извѣстное намъ наше положеніе прочно и обезпечено. Но положеніе наше не только не обезпечено, но мы несомнѣнно знаемъ, что стоимъ на краю гибели.

Если ужъ бояться, то будемъ бояться того, что, точно, страшно, а не того, чтѣ мы только предполагаемъ страшнымъ.

Боясь сдѣлать усиліе, чтобы вырваться изъ губящихъ насъ условій только потому, что будущее не вполнѣ извѣстно намъ, мы похожи на пассажировъ тонущаго корабля, которые-бы, боясь сѣсть въ лодку, перевозящую ихъ на берегъ, забились-бы въ каюту и не хотѣли бы выходить изъ нея; или на тѣхъ овецъ, которыя отъ страха огня, охватившаго дворъ, жмутся подъ сараи и не выходятъ въ открытыя ворота.

Развѣ можно намъ, людямъ, стоящимъ на порогѣ ужасающей по бѣдственности и истребительности войны внутреннихъ революцій, передъ которой, какъ говорятъ приготовители ея, ужасы 93 года будутъ игрушкой, говорить объ опасности, которая угрожаетъ намъ отъ дагомейцевъ, зулусовъ и г. п., которые живутъ за тридевять земель и не думаютъ нападать на насъ, и отъ тѣхъ нѣсколькихъ тысячъ одуренныхъ нами же и развращенныхъ мошенниковъ, воровъ и убійцъ, число которыхъ не уменьшается отъ всѣхъ нашихъ судовъ, тюремъ и казней.

Кромѣ того, страхъ злота передъ упраздненіемъ видимаго огражденія полицейскаго городского есть страхъ преимущественно

городскихъ людей, т. е. людей, живущихъ въ ненормальныхъ и искусственныхъ условіяхъ. Люди, живущіе въ естественныхъ условіяхъ жизни, не по городамъ, но среди природы, борясь съ нею, живутъ безъ этого огражденія и знаютъ, какъ мало можетъ оградить ихъ насиліе отъ окружающихъ ихъ дѣйствительныхъ опасностей. Въ страхѣ злота есть что-то болѣзненное, зависящее преимущественно отъ тѣхъ ложныхъ условій, въ которыхъ многіе изъ насъ живутъ и выросли.

Докторъ психіаторъ разсказывалъ, что однажды лѣтомъ, когда онъ выходилъ изъ больницы, душевно-больные сопровождали его до воротъ на улицу. — «Пойдемте со мной въ городъ», предложилъ имъ докторъ. Больные согласились и небольшая кучка пошла за докторомъ. Но чѣмъ дальше они подвигались по улицѣ, гдѣ происходило свободное движеніе здоровыхъ людей, тѣмъ болѣе робили и все ближе и ближе жались къ доктору, задерживая его ходъ. И наконецъ, все стали проситься назадъ въ свою больницу, къ своему безумному, но привычному образу жизни, къ своимъ сторожамъ, побоямъ, длиннымъ рукавамъ, одиночкамъ.

Такъ же жмутся и тянутся назадъ къ своему безумному строю жизни, своимъ фабрикамъ, судамъ, тюрьмамъ, казнямъ, войнамъ люди, которыхъ зоветъ христіанство на волю, на свободную, разумную жизнь будущаго, наступающаго вѣка.

Люди говорятъ: «чѣмъ мы будемъ обезпечены, когда уничтожится существующее устройство? Какіе именно и въ чемъ будутъ состоять тѣ новые порядки, которые замѣнятъ теперешніе? До тѣхъ же поръ, пока мы не будемъ знать, какъ именно сложится наша жизнь, мы не пойдемъ впередъ и не тронемся съ мѣста».

Требованіе это подобно тому, которое заявилъ бы изслѣдователь новыхъ странъ, потребовавъ подробное описаніе той страны, въ которую онъ вступаетъ.

Если бы жизнь отдѣльнаго человѣка при переходѣ отъ одного возраста къ другому была бы вполнѣ извѣстна ему, ему незачѣмъ бы было жить. То же и съ жизнью человѣчества: если бы у него была программа той жизни, которая ожидаетъ его при вступленіи въ новый возрастъ его, то это было бы самымъ вѣрнымъ признакомъ того, что оно не живетъ, не движется, а толчется на мѣстѣ.

Условія новаго строя жизни не могутъ быть извѣстны намъ, потому что они должны быть выработаны нами же. Только въ томъ и жизни, чтобы познавать неизвѣстное и сообразовать съ этимъ новымъ познаніемъ свою дѣятельность.

Въ томъ жизни каждого отдѣльнаго человѣка, и въ томъ жизни человѣческаго общества и человѣчества.